

Мой первый раз? О боже, дай вспомнить. Мне было двенадцать, всего лишь двенадцать. Это было в начале лета. Уроки на пианино.

Я училась играть с шести лет. Вначале у толстой миссис Бессемер, но потом, потому что все говорили, что у меня так хорошо получается, мистер Тромблей.

К мистеру Тромблей надо было ехать на машине. Он с женой жил в большом доме на другом конце города, так что маме приходилось отвозить меня туда. Каждый четверг, в четыре часа дня. Один час. Мама сказала мне, что ей это было не так уж сложно, потому что она проводила этот час в дешевом магазине неподалеку. Он назывался, кажется, "Хай - Лоу". По четвергам там удваивали скидки, или что - то такое.

Мистер Тромблей был красавчиком, как говорили другие дети в моем классе после того, как он дал концерт в нашей школе. Ему, наверное, было лет тридцать: высокий, с густыми темными волосами и мягким голосом, и большими руками. Он, вроде бы, был слегка знаменит за что - то: второе или третье место на каком - то не очень важном музыкальном фестивале - но тогда он занимался только обучением и, в основном, он брал старших ребят. Его жена была гораздо моложе, возможно только закончила учебу, и этим летом она была в отъезде - выступала в Европе. Рени? Рени Тромблей. Возможно ты слышал о ней? Нет? Ну, какая разница.

Я училась у мистера Тромблей с начала весны. И уже было лето. Школа только закончилась. Мне нравились уроки. Мне нравилось играть на пианино. Мне нравилось играть на пианино для него. "Превосходно", - говорил он иногда, когда я делала что - то особенно правильно. "Ты моя призовая ученица". Я сияла изнутри.

Когда я не делала что - то особенно правильно, он был добр. "Ударь ее уверенно, но мягко, - иногда говорил он. - Будто ты ласкаешь котенка. Вот так. Гораздо лучше! Мило. Очень мило. Снова. Снова. Прекрасно". Да, я сияла.

Или, если мне не удавалось с чем - то справиться, он иногда вставал со своего стула у скамейки и садился рядом со мной, брал мою руку в свою и пытался двигать ее так, как она должна двигаться. Я просто таяла. "Держи кисть вот так", - говорил он, держа мою кисть. "Теперь расслабься". Я пыталась расслабиться. Таять и расслабляться - не одно и то же.

"Вот, - говорил он. - Держи мою кисть. Теперь чувствуешь? Чувствуешь, как это делается?" Я держала пальцы вокруг его кисти, пока он играл. Я чувствовала силу. Заботу. Музыку. "Поняла?" - говорил он, и я кивала и пыталась сделать лучше. Дома я держала собственную кисть. Она была не такой, совсем не такой.

Хорошее кофе, правда? Тихое кофе. Успокаивающее. Не помой, как многие виды кофе сейчас. Возможно, именно такое кофе пьет Санта Клаус, вернувшись домой, доставив все свои игрушки. Расслабляющее. Боже, так мило быть здесь с вами. Я действительно расслабилась. Я бы сняла туфли, только вот на мне их уже нет. Где - то потерялись. Уверена, я их никогда не найду.

Однажды, после урока, я спросила маму, можно ли мне котенка. "Нет", – ответила она. "Пожалуйста, – сказала я. – Я буду очень хорошо заботиться о нем, и он поможет..." Я собиралась сказать, что он поможет мне научиться ласкать, но мне показалось, что так лучше не говорить. "Он мне поможет, мам. Пожалуйста?" "Нет, – ответила она уверенно. – И так достаточно сложно поддерживать дом в чистоте".

И все равно я надеялась, что получу котенка на свой день рождения, на двенадцатилетие. Я действительно надеялась. Но не получила. А получила обычный набор практичных вещей. Свитеры и юбки, мыло, и джинсы, и белье. Я получила даже тренировочный бюстгальтер! В те дни моя грудь была совсем небольшой. Я была уверена, что всегда буду плоской, хотя у меня менструации начались только двумя месяцами раньше. Не то, чтобы я совсем уж хотела иметь настоящую грудь. У некоторых девочек в школе они уже были, и мальчишки лишь смеялись. И я почти ничего не знала про секс. Почти ничего.

Единственная ученица из моей школы, которая училась у мистера Тромблей, тоже не была одарена грудью, но, думаю, это понятно – ведь она была на год младше меня и училась в младшем классе. Ее звали Беверли. Ее час был сразу после моего, с пяти до шести. Я несколько раз видела ее перед музыкальной комнатой мистера Тромблей, но моя мама всегда ждала меня в машине, поэтому мы с Беверли никогда и не разговаривали, никогда не обменивались ничем, кроме пары "приветиков", когда она заходила на свой урок, а я выходила, чтобы поехать домой.

Беверли жила вдалеке от нас, поэтому я почти ничего о ней не знала, за исключением того, что все считали ее очень умной и очень застенчивой. В чем – то вроде меня в те дни. И она была действительно симпатичной. Без груди, как я сказала, но с большими голубыми глазами и длинными светлыми волосами, мягкими, и прямыми, и красивыми, струящимися по ее спине. Иногда я желала иметь именно такие волосы, а не эти путаные кудряшки, которые, похоже, только и делают, что мешают, и раздражают, и растрепываются повсюду, что бы я с ними не делала.

Хочешь еще чашечку? Думаю, я выпью еще половинку. Милые чашки. Пурпурные любовные птички, такие пухленькие, толстенькие, целуются, и эти сердца повсюду, некоторые из них вверх ногами. Разве перевернутые сердца не выглядят лаконично... ну, они могут быть попкой женщины, или ее грудью, или мужской мошонкой?

Однажды в четверг, везя меня к мистеру Тромблей, мама сказала мне, что она немного опоздает – у нее были другие дела. "Хорошо, я просто подожду снаружи", – сказала я.

"Только если не будет дождя, – ответила мама. – Ты промокнешь. Просто скажи мистеру Тромблей, что тебе надо подождать внутри. Я не опоздаю более, чем на двадцать... тридцать минут".

"Он не любит, когда мы ждем внутри", – сказала я.

"Чушь, – ответила мама. – Он просто не хочет, чтобы там были родители. Скажи ему, что тебе

надо подождать. Уверена, все будет нормально".

Я сказала, что я была стеснительной? Я была очень стеснительной. Идея того, что мне придется спросить разрешения мистера Тромблей подождать в холле после урока, бросила меня в кататоническую панику. Я не могла сделать этого. Я попыталась. Но не смогла. Что если он скажет нет? Что мне тогда делать? Боже, я вела себя глупо, так? Ведь насколько сложно выдать что –нибудь вроде: "Моя мама задержится, поэтому можно я подожду в холле после урока?"

Вместо того, чтобы сконцентрироваться на уроке, я потратила все время волнуясь... волнуясь и молясь, чтобы погода улучшилась, чтобы дождь остановился и я могла подождать снаружи, пока не придет мама. Странно, но я сыграла не хуже, чем обычно. Возможно, даже лучше. Так показалось мистеру Тромблей. "Ты сегодня действительно отлична, – сказал он. – Тебе наконец – то удался этот быстрый пассаж". Сказав это, он легко прикоснулся рукой к моему плечу, и я едва заметила это. "Моя призовая ученица", – сказал он, слегка сжимая мое плечо. Раздался удар молнии, и я вздрогнула. "Небольшая гроза", – сказал мистер Тромблей, поглаживая мое плечо. "Давай услышим этот быстрый пассаж еще раз. Заставь его нестись. Заставь его танцевать. Заставь его петь. Да. Так! Да".

Его энтузиазм должен был заставить меня почувствовать себя прекрасно. Триумфально. Вздуроражено. Возвышенно. Но все, что я ощутила, было тоской. Я собиралась подвести его. Я открыла рот последний раз, чтобы спросить его, но ничего не вышло из него. Я почувствовала себя хрупкой, как маленькая птичка, которую сейчас съест кот.

Мистер Тромблей заметил. "Ты дрожишь, дитя, – сказал он, его рука все еще покоилась на моем плече. – В чем дело?" Я не могла повернуться к нему. Он заметил бы мои слезы. Но он и так их заметил. Его пальцы прикоснулись к моей щеке, к моим слезам. "Да, – сказал он, ничего не понимая. – Ты так хорошо сыграла сегодня. Моя призовая ученица. Ты так хороша. Так хороша. Я горжусь тобой. Поработаешь над Прокофьевым для следующего раза, хорошо? Ну, удачи. Пока". Он взъерошил волосы у меня на голове, и я поднялась со скамейки, собрала свои книги и выскочила в холл, где Беверли, с бледной улыбкой и мягким "приветик", прошла мимо меня на свое занятие.

Если бы только на улице было солнечно.

Если бы только было лишь слегка темно.

Если бы только мама как –нибудь сделала все пораньше и была бы на обочине, с работающими дворниками. Но дождь был таким диким и свирепым, что я едва видела обочину. Там не было машины, и для меня не было никакой возможности подождать снаружи, не промокнув до нитки в секунду. Я могла бы не обращать на это внимания, но я не хотела рисковать нотами. Моя маленькая сумка из – за долгого и усиленного использования не выдержала бы в этом шторме. Ни на минуту. Выглядывая сквозь маленький квадратик окна двери, я подумала, могу ли засунуть сумку под юбку. Сохранить ее сухой, держа между ног, пока не придет мама. Что –нибудь такое. В то время маленькое окошко запотело, и я не могла ничего видеть, и Беверли начала играть.

Этот шум заставил меня вздрогнуть. Я никогда не слышала, как она играет. Она была хороша. Я сказала хороша? Я сказала шум? Она была безумно хороша. Безумно шумна. Я точно могла сказать, что она была лучше меня, гораздо, гораздо лучше. Она перешла на что – то резкое, и нестройное, и раздражающе великолепное. Как она когда делать это, издавать эти чудесно вывернутые звуки? Это не было похоже ни на что, что я когда – либо слышала.

Я села на маленькую скамеечку в холле. Теперь я не могла уйти – я бы помешала им. Но, кроме того, музыка удерживала меня. Она вызывала ощущение, ох, не знаю... будто я стояла посреди перегруженной улицы, с машинами, и грузовиками, и автобусами, проносящимися со всех сторон, опасно близко. Я не могла и шагу ступить не погибнув. Я едва дышала.

Поэтому я сидела там как можно тише, слушая, смотря на маленький желтый дождевик Беверли и на довольно большую лужицу под ним. И когда музыка остановилась, я задумалась, как я узнаю, когда приедет мама, и как я смогу выскользнуть, не помешав им... не дав мистеру Тромблей узнать.

Длинная история, а? Ты уверены, что не хочешь еще кофе?

Затем я кое – что заметила. На стене напротив меня, над маленьким круглым столиком висело зеркало, и потому, что Беверли не закрыла дверь в музыкальную комнату до конца, мне была видна сидящая за пианино Беверли, в основном лишь ее бок, ее стройная спина, ее волосы, длинные и белокурые, стекающие по ее спине, пока она играла. Теперь она играла что – то мягкое; возможно это была лишь медленная часть того, что она играла ранее. Музыка была нереально прекрасной, но и бледной. Холодной. Как лампа вдалеке ночью. Я внимательно прислушивалась, пытаюсь уловить каждую ноту сквозь барабанный шум дождя. Она была жесткой. Она была мягкой. Будто чья – то рука на моих ушах.

Я хотела увидеть руки Беверли, ее пальцы на клавиатуре. Не знаю почему... может, чтобы я знала, когда раздаются звуки, чтобы погода не мешала мне. Ее локти, неподвижные, как лед, ничего мне не говорили. Колено мистера Тромблей появилось с краю вида. Я смотрела на это колено, слушая. Казалось грубым, что это колено было там. Оно раздражало меня. Локти и колени, подумала я и почти рассмеялась. Локти, и колени, и длинные светлые волосы.

Но затем мистер Тромблей встал. Он зашел за Беверли. Он положил руки на ее плечи. "Моя призовая ученица", – сказал он ей. Она продолжала играть. "Так прекрасно ты играешь, – сказал он. – Так прекрасно ты выглядишь. Мой приз, мой маленький приз".

Я смотрела, как он гладил ее плечи. Я почувствовала пустоту. Глубокую пустоту. Затем он перестал гладить ее. "Хорошо, – подумала я. – Теперь он сядет". Но он не сел. Он расстегнул свои штаны. Я никогда ранее не видела пениса. Он выглядел так странно, свесившись из его штанов, как длинная рыба. Я не была шокирована. Или, скорее, я была слишком шокирована, чтобы почувствовать это. Беверли продолжала играть. Мистер Тромблей смахнул ее длинные светлые волосы с ее уха и прижал свой пенис к нему. Он ласкал ее ухо своим пенисом, пока она играла. "Так мило, – сказал он. – Так невероятно мило".

А затем что – то случилось. Он дернулся. Она хихикнула. Он забрызгал ноты. На самом деле мне этого видно не было, и я не до конца знала, что происходит, но я знала, что что – то происходило. Затем она повернула голову, повернула так, что его пенис коснулся ее щеки, и затем она поцеловала его, его край, и я могла видеть ее глаза, и я подумала, может ли она увидеть меня. Мне показалось, что может, но, возможно, это было всего лишь чувством, а не правдой. В любом случае, она повернулась и продолжила играть, хотя, на самом деле, она и не останавливалась, даже во время его толчка, его брызганья, даже во время его маленького поцелуя.

Мистер Тромблей продолжил гладить своим пенисом, теперь слегка уменьшившимся, ее ухо. Беверли продолжила играть. Пенис постоянно становился меньше, пока, наконец, он почти весь не был поглощен его ладонью, и только головка продолжала касаться изгиба ее уха.

Неожиданно она прекратила игру. Не знаю, закончилось ли произведение, или она просто решила больше не играть. Концовка, если это было концовкой, зависла в воздухе. Беверли повернулась вполоборота, и мне показалось, что я увидела, как она взглянула на дверь, на щель в двери, на зеркало, на меня по другую его сторону, сидящую там абсолютно открыто... Мне показалось, что я увидела, как ее глаза встретились с моими, но, возможно, я лишь вообразила это. Она не стала ждать – она просто взяла его пенис, головку и часть его, в рот. Тогда он пошевелился. Его спина загрозила вид. Возможно, они услышали меня, а возможно нет. Я открыла дверь на улицу и выбежала, и дождь все еще шел, шел сильно, но недостаточно сильно. Мама была там. Я промокла, пока добралась до машины, промокла, но я хотела быть мокрее. Я хотела быть как можно более мокрой, и, если бы она не была там, думаю, что я дошла бы до дому пешком.

"Я начинала волноваться, – сказала мама. – Я собиралась сигналить. Как урок? Неплохо прошел?" Я дрожала. Я не могла ответить. Наконец, я смогла кивнуть. "Отлично, – удалось сказать мне. – Ты купила что –нибудь хорошее... в магазине?" Казалось, маму слегка взволновал вопрос. "Нет, – ответила она. – У меня не было достаточно времени на магазин. Я просто... занималась другими делами".

"Ага", – сказала я. Я не стала приставать с вопросами. Мы ехали домой в тишине, думая наши собственные мысли.

Я могу закончить рассказ позже, если хочешь, если ты устал? Нет? Хорошо. Кое – что странное: та музыка, что играла Беверли – я так и не узнала, что это было. Годами позже, когда я была в колледже, я попыталась найти ее. Я много времени потратила на поиски, но все без толку. Впрочем, думаю, это другая история.

Когда я попала домой, я переоделась. Все еще шел дождь, но теперь это была скорее морось, чем дождь. Я села за пианино, смотрела на клавиши и слушала звук дождя. Мне так и не захотелось играть что –нибудь. То, что я увидела в зеркале в холле, продолжало крутиться у меня в голове. Отражения мистера Тромблей, разделяющего длинные светлые волосы Беверли. Отражения его пениса, глядящего ее ухо. Его странное синкопированное движение. И потом –

Бeverли, берущая его в рот. Но больше всего, правда, то, как ее глаза смотрели сквозь щель в двери музыкальной комнаты, будто они искали меня, будто они знали, что найдут меня.

Я не могла понять этого. Я прекратила пытаться. Я начала практиковаться. Я лихорадочно играла, час за часом. Не уверена, что слышала, что играла. В основном, я слышала короткий смешок Бeverли.

"Будешь ужинать?" – спросила мама.

"Иди на хуй". Я не сказала этого на самом деле, но это... эти самые слова были у меня в голове. Я никогда раньше не говорила "хуй" вслух. Я слышала это слово, конечно, но никогда не задумывалась над ним. "Нет, – ответила я маме, кисло взглянув. – Я не голодна. Да ты и в магазине не была".

Я закончила играть гораздо позже, чем надо было.

А когда я, наконец, легла в постель, я играла с собой.

Я раньше никогда этого не делала этого. Мылась, конечно, но ни с чем в уме... кроме мытья.

Но и тогда у меня в уме ничего особенного не было. Обессиленная, я лежала на покрывале. Мама ушла спать несколькими часами ранее. Свет в коридоре все еще горел; я не закрыла свою дверь до конца, и желтый свет растекался по углу кровати. Если я не выключу свет, мама разозлится, но мне было все равно. Я задрала ночнушку к подбородку. "Ты моя призовая ученица", – услышала я слова мистера Тромблей. "Призовая ученица". Его руки держали мои, показывая им, как делать это. "Твои соски такие милые, – сказал он. – Прикоснись к ним так". Я прикоснулась. Я трогала их так, как он хотел. "Ты такая красивая, – сказал он мне. – То, как ты ласкаешь себя. То, как я ласкаю тебя". Он опускал свои руки по моему животу. "Такой гладкий, – сказал он. – Такой идеальный. Ты великолепная девушка. Просто великолепная. Твой маленький животик, кудряшки такие мягкие, едва ощутимые, едва ощутимые, превосходно, превосходно, превосходно".

"Позволь мне потрогать тебя, – сказал он. – Позволь мне почувствовать, какая ты превосходная. Ох, слегка скользкая. Ты, чертенок! Хорошо".

Экспериментируя, я нашла клитор. Я тогда не знала, как он называется. Я лишь знала, чего он хотел. Я вздрогнула.

"Ох, – сказал мистер Тромблей. – Тебе это нравится! Я так и предполагал". Его язык прошелестел по моему запястью. "Ох, это так странно". Я это сказала, или он? Мы продолжили делать это. Я снова вздрогнула, изогнулась и увидела щель в двери, свет за ней, и я знала, что Бeverли смотрела на меня, смотрела на мистера Тромблей, хвалящего меня своим языком. Его кончик расслабился, проскальзывая скользкое место, прикасаясь прямо под как – там – он – назывался, заставляя меня корчиться в практически – не – могу – выдержать дрожи. Я

продолжила делать это. Мистер Тромблей не позволил бы мне остановиться.

Я дернулась, хватая, не обращая внимания на наблюдателей. Я хотела чего – то еще. Возможно, пениса мистера Тромблей в моем ухе. Моя голова металась по подушке. Пенис, сказал мой рот, представляя его внутри, мягкость, твердеющая, чтобы попасть туда.

И все же, этого не было достаточно. Чем бы это ни было, оно не должно было произойти. Я остановилась. Я тяжело дышала. Я долго лежала там, прислушиваясь к себе. А затем я начала снова. Я начала с самого начала. "Твои груди такие прекрасные, – сказал мистер Тромблей. – Прикоснись к ним так. Верно. Точно. Великолепно. Так мило. Ты такая милая. Мой приз. Мой прелестнейший, прелестнейший приз". Только он говорил с Беверли, не со мной, он касался Беверли, он учил ее касаться. Я была в коридоре, наблюдая. Я видела все, что он делал с ней. Он делал это медленно и беспрестанно, и она позволяла ему, и я смотрела, и когда его язык поднялся наверх, когда он, наконец, прикоснулся к этому особенному месту, это началось, началось по – настоящему. Она дрожала так сильно, и ее бедра поднялись, и ее ноги раздвигались и смыкались, и она подумала: вот оно, вот оно – и когда он ущипнул его, это маленькое место, ущипнул губами, его язык щекочет ниже, его большой палец весь в ее отверстии, и этого хватило. Этого действительно хватило. Я кончила.

Именно это ты и хотел узнать, верно? Но это еще не все. Я спустила ночнушку, и накрылась покрывалом, и заснула. Когда я проснулась, было утро и мама была на работе. Я начала вставать с кровати, а потом не встала. Я снова трогала себя. Или, возможно, мистер Тромблей снова трогал Беверли. Неожиданно она стала такой влажной, такой дрожащей, абсолютно неконтролируемой. Я стояла у кровати, смотря на них, смотря, как пенис мистера Тромблей увеличивается, смотря, как он полностью засунул его в ее маленькое отверстие. Она закричала, когда это произошло, и я снова кончила. Это было просто, и я задрожала.

Я поднялась, не переоделась и практиковалась часами. Сидя за пианино, я задрала ночнушку и начала щипать себя. Это не действовало, пока мистер Тромблей не начал щипать Беверли. Тогда подействовало. Когда я встала, на скамейке у пианино было блестящее пятно там, где я сидела. Пот, или что –нибудь большее. Я размазала его указательным пальцем. Я притворилась, что оно принадлежало Беверли, и попробовала его на вкус. Затем я вернулась в постель. Мистер Тромблей шесть раз трахнул Беверли в тот день. Семь раз на следующий. В промежутках я тренировалась, я спала. Иногда звонил телефон, но я не брала трубку.

"Ты уходила? – спросила мама. – Я звонила, но никто не отвечал".

"Должно быть", – ответила я ей. Я сделала ей ужин и постирала белье. Я мало съела и надела свежевystиранную ночнушку.

Когда неделя заканчивалась, я говорила себе, что у меня получается не хуже Беверли. Она хихикала. Мистер Тромблей клал пенис ей в рот. Она хихикала, даже когда он был там. Я продолжала практиковаться. Его бедра начали совершать это синкопированное движение. Ее тоже. Я нажала не на те клавиши. Я ударила руками по клавиатуре. "Что – то не так?" – спросила мама. "Нет, все нормально". Я рано пошла спать, и мистер Тромблей трахнул Беверли три раза, прежде, чем я смогла заснуть.

Когда наступил четверг, я сказала маме, что не иду на урок. "Ты больна?" – спросила она.

"Нет, я не больна. Просто я не иду".

"Ну, тогда лучше позвонить ему и сказать. Возможно он может назначить на другое время".

"Я не буду звонить ему, – сказала я. – Я больше не собираюсь играть на пианино".

"Почему?" – сказала она, пытаюсь быть правильной.

"Я ненавижу пианино", – ответила я.

"Но ты так много практиковалась, – сказала она. – Ты так хорошо играешь. Лучше, чем когда – либо. Что не так?"

"Ничего не так. Я просто ненавижу пианино, и я не иду".

"Тогда тебе лучше позвонить своему учителю и объясниться".

"Никогда!" – сказала я.

"Что же, это неприемлемо. Много времени и денег было потрачено на это. И вежливость обязывает тебя объяснить все мистеру Тромблей. Я прямо сейчас позвоню ему, и ты можешь поговорить с ним по телефону".

"Ты не можешь заставить меня", – сказала я.

"Посмотрим", – ответила мама.

В результате я пошла туда в обычное время. Мама согласилась подождать снаружи, в машине.

"Что – то не так?" – спросил мистер Тромблей, как только увидел меня.

"Я больше не могу заниматься у вас", – сказала я.

"Почему?" – спросил он.

"Мама думает, что занятия – не лучшая идея в настоящее время", – сказала я.

"Ага", - сказал он.

Затем я расплакалась.

Мистер Тромблей подошел и обнял меня. "Все будет нормально", - сказал он. Я обняла его. Я все еще плакала, но чувствовала себя гораздо лучше. Мы долго обнимались.

"Я, наверное, вернусь к миссис Бессемер", - сказала я.

Мистер Тромблей кивнул. Я взяла его руку и поцеловала ее, его пальцы, быстрым поцелуем, и поспешила наружу. Мама ждала меня в машине. Я чувствовала себя гораздо лучше. Не идеально, но лучше. Но пройдет еще четыре года, прежде чем мистер Тромблей трахнет меня, а не Беверли.

<http://erolate.com/book/3953/109318>